

стал считать произведенный в нем анализ предложений своей худшей ошибкой. Записи одного из главных философов XX века были испещрены репликами по поводу успеха или отсутствия онога в его собственных

философских исследованиях. Принцип скептицизма хорошо сформулирован Расселом: «Хотел бы я умереть за свои убеждения? Никогда. Ведь я могу ошибаться».

Станислав Наранович

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Вадим Васильев. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 240 с.

В последнее десятилетие изложение достижений аналитических философов в области философии сознания российскими специалистами стало достаточно регулярным событием. Поскольку первостепенной задачей такого рода исследований является критический анализ существующих подходов, трудно было ожидать от них какой-либо целостной теории. Книга Вадима Васильева «Сознание и вещи» — очень долгожданное и радостное событие, поскольку в ней представлено вполне самостоятельное и оригинальное исследование, претендующее на разрешение многих уже известных российскому читателю загадок философии сознания. Впрочем, задача по реконструкции исторического и современного контекста исследуемых проблем уже была выполнена в предшествующих книгах трилогии «Философская психология в эпоху просвещения» и «Трудная проблема сознания». Последняя содержала краткое описание метода автора и основные результаты его применения к проблеме сознание–мозг, но большая ее часть была посвящена анализу теорий Дж. Сёрла, Д. Деннета, Д. Чалмерса и других аналитических фи-

лософов. В новой книге историко-философский контекст, напротив, привлекается в основном для защиты выстраиваемой феноменалистической онтологии от возможных возражений, а ядро исследования образует система аргументов, которая базируется на подробно изложенном авторском методе. Таким образом, даже незнакомый с современной аналитической философией читатель сможет пройти весь путь к решению как простых, так и трудных проблем философии сознания, не потерявшись среди бесчисленных терминов и фамилий.

Методологической основой исследования стал синтез феноменологии и концептуального анализа: посредством феноменологии обнаруживаются универсальные убеждения об устройстве мира («онтологические установки»), которые вытекают из устройства когнитивных способностей человека, посредством концептуального анализа проясняются связи между этими убеждениями. Обсуждая проект феноменологии Гуссерля, автор указывает на его нераскрытый потенциал, который был ограничен дескриптивным подходом, позволяющим лишь обнаружить

и зафиксировать некоторые базовые убеждения о природе сущего. Между тем проблема возникающих неясностей в отношении связей между дескрипциями не может быть устранена другими дескрипциями. Аналитическая философия, в свою очередь, критикуется за невнимание к собственно базовым убеждениям или, в случае П. Стросона, за «ориентацию на дескриптивные методы, увлеченность техническими тонкостями философии языка и ангажированность кантовскими схемами» (21). Нетрудно заметить, что предложенный в книге проект пытается связать две регулярно противопоставляемые и сопоставляемые ветви современной философии — феноменологию и аналитическую философию. Ценность аргументативной феноменологии, основы которой автор находит уже в философии Юма (20), напротив, состоит в возможности дедуктивно выводить одни онтологические установки из других, а также устранять возникающие в ходе сопоставления установок противоречия.

Исходя из описанной методологии, становится более ясным подзаголовок работы «Очерк феноменалистической онтологии». Слово «очерк» обращает внимание на стремление описать общие основы подхода, не вдаваясь в прояснение всех технических деталей (что очень любят делать в своих книгах аналитические философы). Однако более важным моментом является ориентация на построение такой онтологии, которая не претендует на рассказ о «вещах самих по себе» или об устройстве независимой от человеческого восприятия реальности. В случае феноменалистической онтологии речь идет о той картине мира, которая диктуется

нам естественными убеждениями о нем, иначе говоря, здравым смыслом. Эта позиция автора особенно важна в свете возможной критики, поскольку у читателя часто возникает искушение вспомнить, какой взгляд на мир диктуется нам не здравым смыслом, а философским образованием или современной наукой. В первом случае необходимо избегать попыток навязать феноменалистической онтологии логику возможных миров, где возможность понимается как логическая возможность. В актуальном мире, к которому и относятся наши онтологические установки, имеет место далеко не все возможное логически, более того, многое логически возможное далеко выходит за пределы естественных убеждений, тогда как именно последние являются собственно предметом исследования. В отношении науки автор не всегда избегает искушения включить в рассуждения те сведения, которые вряд ли диктуются здравым смыслом. Впрочем, большинство таких включений никоим образом не подрывают выстраиваемую концепцию, поскольку не фундаментируют предлагаемых читателю аргументов. Попытки указать на невозможность предлагаемой онтологии в рамках каких-либо современных физических теорий опять-таки не учитывают предмет исследования.

В первой главе книги исследуются онтологические установки в отношении вещей вообще и конкретно физических объектов. В качестве фундаментирующего все прочие онтологические установки убеждения автор полагает принцип соответствия прошлого и будущего. Его суть состоит в дорефлексивном перенесении прошлого опыта на будущее (а также на ретроспективный ана-

лиз прошлого). Наличие этого убеждения можно элементарно обнаружить в простейшем примере перцептивного восприятия. К примеру, сейчас передо мной лежит шариковая ручка, однако, чтобы вообще воспринять этот предмет как ручку, знать, что с ним можно делать и что с ним может произойти, необходимо перенести мой прошлый опыт взаимодействия с подобными вещами на этот конкретный случай: если бы я никогда прежде не видел ручку, едва ли мне удалось бы идентифицировать этот предмет. Но и в этом случае мое восприятие было бы связано прошлым опытом, поскольку по крайней мере форма ручки и вид ее поверхности уже формируют некоторые ожидания. Однако полное понятие ручки, включающее все возможные ожидания относительно подобных предметов, не является собственно предметом исследования, поскольку не все убеждения о ней имеют универсальный характер, то есть относятся к вещам вообще, последние обозначают в терминологии автора «концептуальные предметные корреляты наших подлинно онтологических установок» (23). Принцип соответствия прошлого и будущего имеет необходимый и всеобщий характер (что доказывается автором в начале первой главы), другие онтологические установки именуются «верами», в них можно усомниться, хотя подобное сомнение часто не может быть последовательным. Каузальная вера (каждое событие имеет причину) относится к вещам вообще и дедуцируется из принципа соответствия прошлого и будущего, поскольку беспричинное событие А при повторении предшествующих ему событий согласно указанному принципу дол-

жно породить ожидание события А. Экзистенциальная вера (вещи существуют независимо от восприятия) относится к физическим объектам и зависит от каузальной, поскольку исключает беспричинное исчезновение вещи после того, как она перестает восприниматься.

Здесь необходимо дать некоторые пояснения относительно регулярно применяемого в работе понятия «событие» и его отличия от «События», которое играет центральную роль во всем исследовании. Техническое определение понятия «событие», например «реализация объектом некоторого свойства», хотя и не противоречит замыслу автора книги, весьма далеко от здравого смысла, поэтому термин понимается в рамках обычного словоупотребления. В качестве примера приводится падение мяча на пол. Всякое событие в предлагаемой онтологии встроено в ряд других событий, происходящих во времени. К примеру, перед тем как упасть на пол, мяч лежал на столе, а до этого его туда положили и т. д. Поскольку в нашем мире регулярно наблюдаются схожие событийные ряды (например, мячи подпрыгивают при соударении с полом), причем в различных обстоятельствах, эмпирический опыт указывает нам на наличие автономности многих событийных рядов от различных элементов событийного контекста (мяч может подпрыгнуть, ударившись о бетон или линолеум). Причину некоторого события А образует минимально достаточная совокупность событий XYZ, при наличии которых происходит А, при этом могут существовать и другие возможные наборы событий, вызывающие А. Если событие и входит в автономный ряд

событий и имеет локальный характер (включает лишь часть всего событийного контекста), то Событие, напротив, охватывает всю совокупность воспринимаемых локальных событий. И если у события могут быть различные причины, то у События причиной может быть только единственное другое Событие, которое непосредственно предшествует ему во времени (автор не обсуждает транзитивность каузального отношения).

Описание и прояснение связей между тремя установками (принципом соответствия, каузальной и экзистенциальной верами) подготавливает, пожалуй, самую интересную часть книги — вторую главу, посвященную ментальному и его каузальным возможностям. Изложение всего порядка представленной автором аргументации вряд ли возможно в рамках короткой рецензии, поэтому мы рассмотрим лишь ключевой для всей работы аргумент, состоящий из трех посылок (111–115):

1. Человек А мог прийти к своему физическому состоянию в момент t_1 разными путями.
2. Приватные данности сознания А, квалиа (желания, ожидания, образы) отражают прошлое, включая физический путь, которым А пришел к своему состоянию в t_1 (к примеру, я помню, хотя и плохо, что делал вчера и почему у меня болит голова).
3. Квалиа скоррелированы с поведением А (к примеру, за желанием взять ручку следует движение руки в ее направлении).

Если человек мог прийти к определенному физическому состоянию разными путями и его память со-

держит конкретный путь, которым он пришел к данному состоянию, то физические идентичные индивиды, пришедшие к своему состоянию разными путями, будут иметь разные воспоминания, в том числе разные ожидания относительно окружающих предметов. Исходя из принципа соответствия прошлого и будущего, очевидно, к примеру, что такие индивиды могут по-разному действовать, опираясь на эти ожидания. Таким образом, возможны два физических тела, которые будут действовать по-разному, и разница в их поведении, с точки зрения автора, может быть объяснена именно указанием на разницу в их ментальном, а именно памяти, которая сохраняет событийные ряды, воспринимавшиеся индивидом. Далее по ходу главы автор проясняет эти положения и рассматривает в контексте дискуссий аналитических философов.

Третья глава накладывает выстраиваемую феноменалистическую онтологию на весьма запутанную аналитическими философами проблему отношений сознания и тела. Для ее последовательного решения предлагается исследовать семь основных вопросов в порядке от более простых к более сложным (153): (1) Является ли сознание физическим? (2) Порождает ли мозг сознание? (3) Если да, то каким образом? (4) Супервентно ли сознание на мозге (то есть *по отношению к мозгу*)? (5) Может ли сознание каузальным образом влиять на самого себя? (6) Влияет ли сознание на поведение? (7) Почему функционирование мозга сопровождается сознанием? Последовательный анализ каждого из них детализирует концепцию «локального интеракционизма», которая следует из

представленного выше аргумента. Соответственно, все предложенные решения напрямую зависят от его истинности, и разумным представляется завершить эту короткую рецензию его критическим анализом.

Первое, что бросается в глаза, — это вопиющее противоречие здравому смыслу положения о том, что человек может прийти к своему физическому состоянию разными путями. На первый взгляд, оно настолько неясно, что трудно даже представить, как можно защитить эту позицию. Но в рамках предложенной феноменалистической онтологии ситуация не столь однозначна. Каждый день мы наблюдаем очень похожие события — солнце восходит, чайник вскипает, вода льется из крана. Разумеется, если рассуждать в рамках естественнонаучной картины мира, они не могут быть идентичны — сегодня из крана льется другая вода и по-другому. Однако представим себе, что мы пришли домой и увидели рассыпанный на столе сахар. Причиной события могли стать действия, к примеру, Нади или Насти, и мы не уверены, кто из них это сделал. Можно сказать, что это сомнение имеет эпистемологический, а не онтологический характер. Но это возражение не сработает в онтологии естественных установок, поскольку косвенным образом допускает убеждение в том, что к событию рассыпанного сахара могли привести или действия Нади, или действия Насти. Между тем к первой посылке можно выдвинуть и более серьезное возражение.

Даже в рамках феноменалистической онтологии первая посылка аргумента весьма проблематична, важно понять источник этой контринтуитивности. Ключевым

моментом здесь является скрытое смешение онтологии вещей и онтологии событий. Но как в рамках естественного словоупотребления, так и в рамках технических концептов конструируемых онтологий это весьма различные сущности. Собственно, автор не может уйти от этого различия, и совсем не случайно каузальная вера рассматривается в онтологии событий, а экзистенциальная — в онтологии вещей. Представим, что у меня есть любимый стул. Год назад я нацарапал на нем свое имя, полгода назад — звездочку, а в последнее время у него расшаталась ножка. Является ли каузальная история моего стула значимой для его идентификации как предмета? Допустим, что какие-то шутники заменили мой стул таким же на вид, но не имеющим той же каузальной истории. Тот факт, что я могу не заметить различий между событиями «Мой стул стоит на полу» и «Подложный стул стоит на полу», не означает, что эти события будут рассматриваться мной как идентичные, я буду (ошибочно) считать, что на полу стоит *мой* стул, а не подложный. Действительно, если мне расскажут правду и покажут оба стула, лишь один из них я сочту моим, а именно тот, который обладает соответствующей каузальной историей. Как представляется, дело здесь состоит в совместной работе каузальной и экзистенциальной вер: если для событий идентичность задается только каузальной верой, то для вещи важной частью идентичности является каузальная связь между всеми моментами его существования. Более того, я никогда не смогу убедить себя, что стулья из примера выше даже физически идентичны, что представляется ключевым момен-

том в отношении первой посылки. *In summa*: различие в каузальной истории исключает тождество вещей в рамках естественных убеждений, поскольку вещи с разной каузальной историей рассматриваются нами как физически различные даже при наличии полного внешне-го сходства и в отсутствии возможности ясно указать на это сходство.

Подробный анализ причин, по которым физическая идентичность двух предметов с разной каузаль-

ной историей представляется невозможной в том числе и в рамках естественных убеждений, увел бы нас далеко за пределы выстраиваемой автором онтологии. Между тем очевидным свидетельством глубины и содержательности книги «Сознание и вещи» является тот факт, что все написанное выше едва ли охватывает и сотую часть аргументов и возможных контраргументов, которые ждут ее читателя.

Александр Мишура

ИСТОРИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА ЯМПОЛЬСКОГО

Михаил Ямпольский. Пространственная история. Три текста об истории.

СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — 344 с.

Первое, что приходит на ум в связи с названием новой книги Михаила Ямпольского «Пространственная история», — иное историко-культурное измерение, взятое не в хронологическом, а в пространственном срезе, осью в котором становится историческая вертикаль, а не горизонталь. Идея о том, что в самом историческом процессе (а вслед за ним и в историописании) есть некие фокусные точки, позволяющие ухватить самую суть событий, и разворачивающие логику истории не вширь, а вглубь, принципиально не нова. С построениями подобного рода, обосновавшими «различие» в историографическом письме, отмечавшем периоды замедления, а порой и во все остановки исторического времени перед очередным переходом уже в следующий временной промежуток, выступали на Западе Эрик Хобсбаум и Доминик Ливен, а в России такой подход был бли-

зок историософии Льва Карсавина. Черту под этой традицией подвело фундаментальное исследование Франклина Рудольфа Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт», где речь шла, по существу, о переводе травматического исторического опыта в область Возвышенного, в основном посредством возвышающей символизации. Об этой проблеме соотношения — между временем истории и временем текста — писал еще Поль Рикёр, предложивший в качестве одного из выводов убедительную и ставшую известной формулу: «Чем подробнее описывается, тем лучше понимается», что касается, увы, и прямо сфальсифицированного текста. Разумеется, в самой «подробности», «детальности» (читай: длительности) повествования лежит представление о нарративной последовательности исторического текста, да и трудно иначе передать связь между темпоральностью истории